

Виталий Сырф

ЛЕГЕНДА КАК ВИД УСТНОГО НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ГАГАУЗОВ

Одну из наиболее объемных и содержательных частей фольклорного наследия любого народа составляет **устная проза**. Прозаические виды не у всех народов изучены в равной степени, одной из проблем в процессе их изучения является проблема классификации и терминологической номинации. К.В. Чистов писал по этому поводу: «Фольклористика до сих пор не располагает ни общепринятой классификацией жанров народной прозы, ни международной системой терминов, обозначающих ее важнейшие разновидности»¹.

Вопросами определения общетеоретических принципов классификации и изучения отдельных видов народной прозы, как известно, занимались такие ученые, как К. Сидов, М. Люти, В.Я. Пропп, Л.Е. Элиасов, Л.И. Емельянов, К.В. Чистов и др.² Несмотря на обилие предлагаемых принципов классификации видов народной прозы, все они по сути дела сводятся к следующему положению: фольклорная проза должна классифицироваться с учетом а) функции, которую выполняет тот или иной вид; б) отношения исполнителя и слушателя к содержанию рассказываемого (верит или не верит, правда это или ложь); в) степени художественности того или иного прозаического произведения. Эти принципы взаимно дополняют друг друга и делят всю устную прозу на две большие группы — на сказочную (эстетическая, недостоверная, неправдивая, художественная) и несказочную (информативная, достоверная, правдивая, нехудожественная).

Исходя из вышесказанного мы в наших изысканиях также придерживаемся деления всей народной прозы, традиционно бытующей у гагаузов, на два крупных раздела: *сказочный эпос* (зооморфные, богатырские, волшебные, религиозные, бытовые / новеллистические сказки) и *несказочную прозу* (мифы,

¹ Чистов К.В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М., 1964. С. 1.

² Sydow C. W. von The Categories of Prose Tradition // Selected Papers on Folklore. Copenhagen, 1948. P. 60–88; Lüthi M. Das europäische Volksmärchen. Form und Wesen. 2 Aufl. München, 1960. S. 124; Пропп В.Я. Легенды // Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1955. Т. 2, кн. 1. С. 378–386; Он же. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 34–35, 46–82; Элиасов Л.Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Предания. Улан-Удэ, 1960. Ч. 2. С. 13–46; Емельянов Л.И. Проблема художественного устного рассказа // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1960. Т. V. С. 247–264; Чистов К.В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы; Он же. О сюжетном составе русских народных преданий и легенд // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (Прага, 1968): докл. сов. делегации. М., 1968. С. 318; Он же. Прозаические жанры в системе фольклора // Прозаические жанры фольклора народов СССР: тез. докл. на Всесоюз. науч. конф. Минск, 1974. С. 6–31; и др.

вариации тюркских дастанов, былички, легенды, предания, притчи и комические миниатюры).

Гагаузская народная легенда, как и остальные виды гагаузской несказочной прозы, еще не становилась объектом специального научного исследования. Поэтому основной задачей нашей работы является видовая характеристика гагаузской легенды, определение ее разновидностей и выявление типологических и специфических свойств.

Для изучения данной темы мы использовали рукописные материалы 1959–1993 годов, хранящиеся в архиве сектора «Этнология гагаузов» Академии наук Республики Молдова, и собственные полевые записи 1994–1996 годов, хранящиеся в личном архиве автора. Для облегчения пользования названия легенд даны в переводе на русский язык.

Связь народной легенды с ортодоксальной религией является, по мнению многих исследователей, характерной ее чертой. Е.Б. Вирсаладзе понимает под легендой «рассказы, возникшие на почве позднейших современных нам религиозных идей (христианства, мусульманства или буддизма). Элементы сверхъестественного, встречающиеся в этих рассказах, вполне уместаются в рамки развитых монотеистических религий»¹. К.В. Чистов относит к виду легенд и мифологические сюжеты², поскольку они уже воспринимаются как фантастические, сверхъестественные рассказы, так как народ в основной своей массе отходит от древних представлений. Гагаузские же мифологические рассказы, как и грузинские, еще не утратили связь с древнейшими представлениями, поэтому мы при анализе легенд исходим из определения вида, данного выше Е.Б. Вирсаладзе.

Впервые группу народной прозы религиозного содержания, в том числе легенды, в устном народном поэтическом творчестве гагаузов выявил В.А. Мошков в своем сборнике гагаузского фольклора «Наречия бессарабских гагаузов»³. К ней он отнес следующие свои записи: «Божий крестник» в двух вариантах, «Похождения Ивана Бессчастного, женатого на Божьей дочери», «Работник у Солнцева отца», «Ленивец» в двух вариантах, «Святой Петр покровительствует своему крестнику», «О святом Николае», «Легенда о святом Константине», «Из христианства в мусульманство обращаются люди с турецкой кровью» и др.

В 1920-е годы известный молдавский и гагаузский просветитель протоиерей М.М. Чакир опубликовал на румынском языке многочисленные легенды и предания, бытовавшие у гагаузов и связанные с объяснением происхождения разного рода топонимов в Пруто-Днестровском междуречье, которые восходят к одному из тюркских языков (татарскому, турецкому, гагаузскому)⁴.

¹ Вирсаладзе Е.Б. Предисловие // Грузинские народные предания и легенды. М., 1973. С. 10.

² Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды: XVII–XIX вв. М., 1967. С. 210.

³ Мошков В. Наречия бессарабских гагаузов // Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. СПб., 1904. Ч. 10. С. 1–27.

⁴ Ciachir M. Explicația numirilor turco-tătare ale orașelor, comunelor, cătunelor și fermelor din Moldova dintre Prut și Nistru și unele tradițiuni păstrate în legătură cu aceste numiri // Revista societății istorico-arheologice bisericești din Chișinău. 1921. Vol. XIII. P. 41–55; 1922. Vol. XIV. P. 57–88; 1924. Vol. XV. P. 76–82.

Однако эта работа требует критического подхода, так как основана в большей степени не на научной этимологии того или иного топонима, а на народной.

В конце 1930-х годов появилась книга болгарского собирателя и исследователя А.И. Манова, посвященная гагаузам Болгарии, где была представлена легенда этимологического характера наряду с другими фольклорными видами и подвидами¹.

После официального введения в 1957–1958 годах письменности для гагаузского языка (на основе графики русского языка) из печати вышел первый фольклорно-литературный сборник на языке оригинала². Во введении составитель сборника Д. Танасоглу рассказывает об истории сбора и публикации произведений устного народного поэтического творчества гагаузов, обзорно характеризует виды гагаузского фольклора. Обращает на себя внимание такой элемент классификации, как *исторические сказки*³. Полагаем, что автор ошибочно определяет им представленные в сборнике легенды исторического характера и предания, так как по форме и по содержанию они не соответствуют сказочному канону.

Фольклорный сборник на материале гагаузского села Кыпчак Чадыр-Лунгского района МССР, составленный писателем Н.И. Бабоглу, содержит наряду с другими примерами словесного народного творчества несколько легенд⁴. Легенды гагаузов села Болгарево представлены в работах И. Градешлиева⁵ и О.В. Трефиловой⁶.

На основе изученного нами материала можно предложить предварительную классификацию легенды как вида устного народно-поэтического творчества гагаузов по следующим ее подвидам: 1) этимологическая; 2) топонимическая; 3) апокрифическая; 4) сказочная.

Легенды этимологического характера представляют собой рассказы гагаузов об особенностях внешнего облика и повадках зверей и птиц (о происхождении хвоста у ласточки или панциря у черепахи, например)⁷ и другие этимологические повествования, связанные с попытками объяснить явления природы (о Млечном пути — *Saman yolu*⁸; о багровом цвете Солнца во время заката⁹).

В таких легендах прослеживаются отголоски древних образов, идей, деформированных со временем и скрытых от нас позднейшими представлениями. В них обнаруживается связь рационального с иллюзорным, практического опыта с вымыслом, фантазией, олицетворением природы. В легендах (особен-

¹ Манов А.И. Потеклото на гагаузите и техните нрави и обичаи: в 2 ч. Варна, 1938. Ч. 2. С. 153–156.

² Буджактан сесләр: Литература йазылары / хазырл. Д. Танасоглу. Кишинев, 1959.

³ Там же. С. 12.

⁴ Гагауз фольклору / соб. и сост. Н.И. Бабоглу. Кишинев, 1969. С. 158–163, 167–171.

⁵ Градешлиев И. Краят на един мит и начало на една легенда // Исторически преглед. София, 1991. № 1. С. 80–89.

⁶ Трефилова О.В. Легенды, предания и мифологические рассказы из гагаузского села Болгарево // Живая старина. 2007. № 4. С. 44–47.

⁷ Манов А.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 152–153.

⁸ Млечный путь. Таракийский р-н, с. Карболия, 1960 г. Инф. И.И. Калчу, 63 года. Запись Г.А. Гайдаржи. Рукописный архив сектора «Этнология гагаузов» АН РМ.

⁹ Танасоглу Д. Ана дили. Окумак хем грамматика 4-жү класс ичин. Кишинев, 1992. С. 64–65.

но о солнце, звездах, созвездиях) выявляется типологическое сходство с преданиями тюркских, балканских и восточнороманских народов. В гагаузском фольклоре этиологические легенды, как и космогонические предания, в свое время подвергшиеся значительному влиянию ортодоксальной религии, сохранились лишь в памяти старшего поколения.

Особую разновидность гагаузских народных преданий представляют собой *топонимические* легенды, повествующие об истории происхождения названий и собственно о появлении отдельных местностей, сел, рек, родников и т.п. В них, как правило, отражаются определенные события из истории или географии края, причем повествование подчиняется основной задаче — убедить слушателей в достоверности происходящих событий. Например, о происхождении топонима «Бендеры» М.М. Чакир приводит в своей публикации четыре легенды, а также дает подробные сведения из истории самого города¹, а Н.И. Бабоглу представляет народную легенду о появлении вариантов исторического названия современного гагаузского села Копчак — «Татар-Копчак»/«Татар-Кыпчак»².

Легенды апокрифического характера у гагаузов Бессарабии представлены в фольклорном сборнике В.А. Мошкова, их всего три — «Ной», «Единоборство Давида с Голиафом», «История креста Господня»³. Они основываются на вере, эпизодические повествовуют о жизни и деятельности библейских персонажей, рассматривая в обыденной интерпретации канонические сюжеты об их действиях и поступках. Здесь вымысел обретает характер осознанной фантастики, но выполняет не эстетическую, а поучительную, религиозную функцию. Как видим, число апокрифических легенд у гагаузов крайне невелико, чтобы можно было говорить о них более основательно.

После В.А. Мошкова практически никто не занимался сбором и изучением гагаузских народных нарративов религиозного содержания, хотя они продолжали широко бытовать среди местного населения. Известно, что в советское время атеистическая пропаганда и идеология были направлены против подобных явлений и фактов народной жизни, тем не менее религиозные сказки сохранились до настоящего времени, доказательством чего служат собранные нами материалы⁴.

Следует отметить, что среди народных сказок гагаузов выделяется разряд так называемых *легендарных* сказок, связанных с религиозностью народа. В международном указателе сказочных сюжетов Аарне-Томпсона и в некоторых национальных каталогах данный разряд оформлен как *религиозные* сказки. Они отличаются от собственно легенд своим построением, функциональной направленностью и делятся на тематические группы по сюжетам: «Бог вознаграждает и наказывает»; «Все тайное становится явным»; «Человек в раю»; «Человек, обещанный дьяволу» и др.⁵

¹ Ciachir M. Op. cit. Vol. XIII. P. 41–46.

² Гагауз фольклору. С. 9, 167–171.

³ Мошков В. Наречия бессарабских гагаузов. С. 20–24.

⁴ Архангел Михаил как крестный отец. Тараклийский р-н, с. Копчак, 1994. Инф. А.М. Бабоглу, 63 года. Запись В.И. Сырфа; Архангел Михаил дает совет человеку. Тараклийский р-н, с. Копчак, 1994. Инф. А.М. Бабоглу, 63 года. Запись В.И. Сырфа.

⁵ Мошков В. Наречия бессарабских гагаузов. С. 1–27.

Иначе говоря, *религиозные / легендарные сказки* представляют собой христианские легенды, рассказанные по сказочному канону. Это сюжеты, где основным чудесным элементом становятся действия различных религиозных персонажей. Поэтому мы сочли возможным предложить для классификации гагаузских народных легенд подвид с таким названием.

Для обозначения не только легенды, но и любого другого фольклорного повествования гагаузы пользовались одним термином — *масал*, то есть сказка, выдумка, небылица. Об этом же пишет первый исследователь гагаузского фольклора В.А. Мошков: «Вся же остальная их [гагаузов. — В.С.] масса знает свою религию только из устных рассказов, среди которых она не в состоянии отличить сказки от действительных эпизодов из священной истории. Вот почему собранные мною сказки религиозного содержания <...> заменяют для гагаузской массы Священную историю и закон Божий. Тем более что сам язык гагаузов не делает различия между сказкой и былью. Одно и то же слово “масал” означает у них и сказку, и вообще рассказ»¹. Данный факт свидетельствует о синкретичности всего гагаузского фольклора, о незаконченности формирования в нем отдельных видов и подвидов.

Две легенды из нашей коллекции — «Архангел Михаил как крестный отец» и «Архангел Михаил дает совет человеку»² — повествуют, как видно из их названий, об архангеле Михаиле, который забирает человеческие души перед смертью. В первой сказке он представлен честным и справедливым, за что его берут в крестные: «...söleer hepsici, ani sän uz» («...все говорят, что ты честный»), а во второй он советует человеку, как избавиться от нищеты: «Başla büündän ötäa doogu da ilaçlamaa. İnsan sana verecek ekmek, verecek para da bakacan semyanı» («Начни с сегодняшнего дня заниматься лекарской деятельностью. Люди тебе за это дадут хлеб, деньги, будет на что семью содержать»). Но человек не слушается архангела и в итоге возвращается домой таким же бедным и несчастным.

Христианизация жизни народа привнесла в гагаузскую фольклорную легенду свои изменения. Прежние родовые покровители заменяются христианскими. В их числе сам Бог (Аллаа), архангелы Михаил и Гавриил, святые Николай и Петр.

Отметим, что, по имеющимся историческим данным, начиная с середины XIX века гагаузы известны как тюркоязычная народность, исповедующая православное христианство³. Тот необычный факт, что гагаузы используют мусульманскую терминологию (*Allaa* (Бог), *kurban* (жертва), *şeytan* (черт), *Hederlez* (день св. Георгия), *Kasım* (день св. Дмитрия) и др.), говорит о следующем: «Эти (мусульманские по происхождению. — В.С.) термины отражают в основном абстрактные религиозные понятия, не связанные с вещественными реалиями христианской религии и потому допускающие переосмысление»⁴. И далее:

¹ Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда: Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение. 1901. № 4. С. 1–2.

² Архангел Михаил как крестный отец. Тараклийский р-н, с. Копчак, 1994. Инф. А.М. Бабогло, 63 года. Запись В.И. Сырфа; Архангел Михаил дает совет человеку. Тараклийский р-н, с. Копчак, 1994. Инф. А.М. Бабогло, 63 года. Запись В.И. Сырфа.

³ Губогло М.Н. Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова. К вопросу о происхождении гагаузов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. С. 8.

⁴ Покровская Л.А. Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов // Советская этнография. 1974. № 1. С. 140.

«Мусульманские же религиозные термины арабского и персидского происхождения в системе христианской религиозной терминологии гагаузов, очевидно, являются данью историческим условиям существования малых тюркоязычных народов христианского вероисповедания (к которым относятся и караманлы) в эпоху владычества османских турок-мусульман на Балканах»¹.

Российский этнограф М.Н. Губогло в своей работе о происхождении гагаузов отмечает следующее: «В складывании этнической общности гагаузского народа на ранних этапах его истории значительную роль сыграло принятие ими христианства. Позднее христианство стало одним из главных отличительных этнических признаков гагаузов, выделяющих их из остальной массы тюркоязычных народов Балканского полуострова, исповедующих ислам»².

Следовательно, для выяснения исторического прошлого гагаузов большое значение имеет изучение истории их религиозных верований, в частности истории принятия ими христианства. При этом основными источниками для исследования служат данные материальной и духовной культуры (в том числе и фольклора).

Таким образом, легенду как вид устного народно-поэтического творчества гагаузов определяем как рассказ, в основе которого лежит какой-либо чудесный, фантастический образ или представление, воспринимающиеся рассказчиком и слушателями как достоверные. Предварительно предлагаем следующую классификацию гагаузской народной легенды: этиологическая, топонимическая, апокрифическая, сказочная. Гагаузская легенда может контаминироваться с фольклорными произведениями других видов, представляя собой эпизод в составе предания, притчи и/или сказки. Отметим также, что многие из подобных фольклорных произведений потеряли свой первоначальный смысл и значение, их сюжеты и мотивы в трансформированном виде отчасти проникли в другие, малые, формы несказочной прозы (миф и демонологический рассказ-быличка).

¹ Покровская Л.А. Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов // Советская этнография. 1974. № 1. С. 140.

² Губогло М.Н. Указ. соч. С. 8.